

Присцилле посвящается

Часть I

1

— Красный.

Анна Геймз чувствовала растущее беспокойство.

Тест не представлял для нее никакой опасности, но мысль о том, что в эту минуту кто-то может что-то прочесть в ее мозгах, вселяла неосознанную, но глубокую тревогу.

— Синий.

Она лежала на оцинкованном столе, в центре погруженной в полумрак комнаты. Голова ее покоилась внутри белой трубы томографа. Прямо над ее лицом было укреплено зеркало, на которое проецировались маленькие квадратики. Анна должна была просто называть вслух цвета.

— Желтый.

Через капельницу в левую руку поступала разведенная в воде контрастная жидкость, позволявшая врачу фиксировать приливы крови к мозгу.

Один цвет сменял другой. Зеленый. Оранжевый. Розовый... Потом зеркало потухло.

Анна лежала неподвижно, вытянув руки вдоль тела, как в саркофаге. В нескольких метрах слева она различала размытый силуэт стеклянной кабины, где находились Эрик Акерманн и ее муж Лоран.

Анна представляла, как они отслеживают на экранах деятельность нейронов ее мозга, и чувствовала себя

объектом слежки. Как будто грабители влезли ей в башку и вот-вот изнасилуют.

В наушнике раздался голос Акерманна:

— Очень хорошо, Анна. Теперь квадратики оживут. Ты должна будешь просто описывать их движения, используя в каждом случае всего одно слово: вправо, влево, вверх, вниз...

Геометрические фигуры тут же ожили, складываясь в изящную текучую разноцветную мозаику, похожую на аквариум с крошечными рыбками. Анна сказала в микрофон:

— Вправо.

Квадратики сместились к верхней границе рамки.

— Вверх.

Так продолжалось несколько минут. Анна произносила слова медленно и монотонно, пребывая во власти оцепенения.

Жар, исходивший от зеркала, еще больше притуплял чувства.

Скоро она соскользнет в сон.

— Так, замечательно. — Голос Акерманна в наушнике вернул Анну к реальности. — Теперь я прокручу тебе историю, рассказанную на разные лады. Слушай каждую интерпретацию очень внимательно.

— Что я должна говорить?

— Ничего! Ни слова. Просто слушай.

Через несколько секунд зазвучал женский голос. Текст произносился на иностранном языке, судя по звучанию — восточном.

Короткая пауза. И снова та же история, теперь — по-французски, но без соблюдения каких бы то ни было правил: глаголы употреблены в неопределенной форме, артикли не согласованы...

Анна попыталась разобраться в этом нелепо-нескладном языке, но зазвучала следующая версия. Какие-то дикие, бессмысленные слова вплетались во фразы... Что все это значит?

Внезапная тишина почти оглушила Анну, еще глубже вдавив ее во тьму тесной трубы томографа.

И снова Акерманн:

— Следующий тест... Ты слышишь название страны и сразу же называешь столицу.

Анна хотела ответить, что поняла, но в наушнике уже звучало первое название:

— Швеция.

Она мгновенно ответила:

— Стокгольм.

— Венесуэла.

— Каракас.

— Новая Зеландия.

— Окленд. Нет, Веллингтон.

— Сенегал.

— Дакар.

Названия городов всплывали в памяти автоматически, но Анна была довольна своими результатами, значит ее память не совсем утрачена. Но что видят на экранах Акерманн и Лоран? Какие зоны ее мозга активируются?

— Последний тест, — объявил невропатолог. — Перед тобой появляются лица людей, и ты их называешь по именам громко и максимально быстро.

Она где-то читала, что самый простой знак — слово, жест, визуальная деталь — может стать спусковым механизмом фобии, тем, что психиатры называют тревожным сигналом. В ее случае таким «звоночком» стало слово «лицо». Анна задыхалась, в желудке начались спазмы, руки-ноги одеревенели, в горле саднило...

На зеркале возник черно-белый портрет женщины. Белокурые локоны, надутые губки, родинка на верхней губе. Это легко:

— Мерилин Монро.

Фотографию сменила гравюра. Угрюмый взгляд, квадратная челюсть, волнистые волосы.

— Бетховен.

Круглое, гладкое, как бонбоньерка, лицо, узкие, в лучиках морщин глаза.

— Мао Цзэдун.

Анна удивлялась легкости узнавания. Новые лица: Майкл Джексон, Джоконда, Альберт Эйнштейн... Она словно смотрела на проблески «волшебного» фонаря. И отвечала уверенно, без задержки. Волнение отступало.

Но внезапно произошел сбой: мужчина лет сорока, моложавый, глаза навывкате. Белокурые волосы и светлые брови подчеркивали юношески застенчивое выражение лица.

Страх электрической волной прокатился по телу, причиняя ей почти физическую боль. Лицо на портрете было чем-то знакомо, но никакое имя, никакое четкое воспоминание с ним не связывалось. Ее память превратилась в черный туннель. Где она видела это лицо? Он актер? Или певец? Или просто случайный встречный? На зеркале появилась фотография человека в круглых очках, теперь в полный рост. Анна произнесла пересохшими губами:

— Джон Леннон.

Леннона сменил Че Гевара, но Анна произнесла:

— Эрик, подожди!

Калейдоскоп продолжал крутиться. Сверкнул кислотно-яркими красками автопортрет Ван Гога. Анна схватилась за микрофон:

— Прощу тебя, Эрик!

Изображение застыло. Анна ощущала, что свет и тепло, исходящие от зеркала-экрана, отражаются от ее кожи. Выдержав паузу, Акерманн спросил:

— Что такое?

— Человек, которого я не узнала, кто он?

Врач не ответил. На зеркальной поверхности заблестели разноцветные глаза Дэвида Боуи. Анна приподнялась и произнесла чуть громче:

— Эрик, я задала тебе вопрос: кто это был?

Экран погас. Глаза мгновенно привыкли к темноте. Анна поймала в стекле потухшего прямоугольника свое

отражение: бледная как смерть, осунувшаяся. Лицо покойницы.

Акерманн наконец ответил:

— Это был Лоран, Анна. Лоран Геймз, твой муж.

2

— Когда начались эти провалы в памяти?

Анна не ответила. Было около полудня: ее тестировали все утро. Рентген, сканирование, ЯМР¹ и, наконец, исследование в трубе томографа... Она чувствовала себя опустошенной, обессиленной, потерянной. И вид этого кабинета не улучшал ее самоощущения: узкая, без окон комната, слишком ярко освещенная; повсюду на стальных стеллажах и навалом на полу — папки, заведенные на пациентов. На стенах — гравюры, изображающие обнаженный мозг и бритые головы, разрисованные пунктирными линиями и напоминающие схему разделки мясных туш. Все, что ей сейчас было бы нужно, — это...

Голос Эрика Акерманна прервал размышления Анны:

— Так сколько времени это продолжается?

— Больше месяца.

— Уточни, пожалуйста, ты помнишь, когда это случилось впервые?

Конечно она помнила: как бы она могла забыть такое?

— Четвертого февраля. Утром. Я выходила из ванной. И столкнулась в коридоре с Лораном. Он собирался на работу. Улыбнулся мне. Я едва не подпрыгнула от изумления — не знала, кто этот человек!

— Ты его совершенно не узнала?

— В первую секунду — нет. Потом все встало на свои места, в голове прояснилось.

¹ Ядерно-магнитный резонанс. — *Здесь и далее прим. перев.*

— Опиши мне точно, что ты почувствовала в то мгновение.

Анна едва заметно повела плечами, прикрытыми шарфом в черных и золотисто-коричневых тонах.

— Ощущение было странное, неуловимое. Как дежавю. Сбой длился всего мгновение, — Анна щелкнула пальцами, — а потом все наладилось.

— Что ты подумала в тот момент?

— Отнесла все на счет усталости.

Акерманн что-то записал в блокнот и задал следующий вопрос:

— Тем утром ты рассказала о случившемся Лорану?

— Нет. Я не придавала этому значения.

— Когда произошел второй сбой?

— Неделью спустя. Потом они стали повторяться.

— И всегда были связаны с Лораном?

— Да.

— Но ты каждый раз все-таки узнавала его?

— Да. Но постепенно этот сбой... Не знаю, как объяснить... Пожалуй, он длился все дольше.

— И тогда ты поговорила с Лораном?

— Нет.

— Почему?

Анна скрестила ноги, положила руки на колени, обтянутые темным шелком юбки, — они напоминали сейчас двух птиц с бледным оперением.

— Мне показалось, это только осложнит ситуацию. И потом...

Невропатолог поднял на нее глаза. Золото рыжих волос отразилось в стеклах очков.

— Да?

— Нелегко признаться в подобном мужу. Он...

Анна спиной чувствовала присутствие мужа — он стоял за ее стулом, прислонившись к металлическому стеллажу.

— Лоран становился для меня чужим.

Врач, почувствовав смятение Анны, предпочел сменить тему:

— С другими людьми проблема узнавания возникает?

— Иногда... — Анна колебалась. — Но очень редко.

— С кем, например?

— С торговцами в квартале. И на работе. Я не узнаю некоторых клиентов, причем постоянных.

— А друзей?

Анна сделала рукой неопределенный жест:

— У меня нет друзей...

— Как обстоит дело с членами семьи?

— Мои родители умерли. Остались только дяди и двоюродные братья где-то на юго-западе страны. Мы не видимся.

Акерманн сделал еще несколько пометок в блокноте. Его лицо, застывшее, как резиновая маска, не выдавало никаких эмоций.

Анна терпеть не могла этого типа: близкий друг семьи Лорана, он иногда ужинал в их доме, но в любых обстоятельствах хранил ледяную невозмутимость. Конечно, если никто не затрагивал его излюбленной темы — работы мозга и системы когнитивного общения человека. Тогда все мгновенно менялось: он возбуждался, воспалялся, размахивал длинными ручищами в рыжих волосах.

— Итак, главная проблема — лицо Лорана? — Акерманн возобновил допрос.

— Да. Он самый близкий мне человек. Именно его я вижу чаще всех остальных.

— У тебя есть другие проблемы с памятью?

Анна прикусила нижнюю губу. Задумалась, сомневаясь. Наконец ответила:

— Нет.

— С ориентацией в пространстве?

— Нет.

— С речью?

— Нет.

— С какими-нибудь движениями?

Анна не ответила и, слабо улыбнувшись, спросила:

— Ты предполагаешь болезнь Альцгеймера?

— Я проверяю, только и всего.

Именно этот синдром первым пришел Анне на ум, и она все прочла о нем в медицинских справочниках: неузнавание лиц — один из симптомов болезни.

Акерманн добавил примирительно-успокаивающим тоном — так урезонируют расшалившихся детей:

— Только не в твоем возрасте. Кроме того, первые же тесты выявили бы болезнь Альцгеймера. Мозг, затронутый нейродеградацией, имеет совершенно особую морфологию. Надеюсь, ты понимаешь, что я просто обязан задать тебе все эти вопросы, чтобы поставить точный диагноз?

Не дожидаясь ответа Анны, он повторил:

— Так ты испытываешь затруднения с какого-либо рода движениями?

— Нет.

— Бессонница?

— Нет.

— Внезапное немотивированное оцепенение?

— Нет.

— Мигрени?

— Никогда.

Врач закрыл блокнот, встал из-за стола, и Анна — в который уже раз — почувствовала изумление: при росте в метр девяносто Эрик Акерманн весил не больше шестидесяти килограммов и выглядел верзилой-переростком, которого одели в белый халат, чтобы он высушил его после стирки.

Доктор был вызывающе, обжигающе-рыжим. Его кудрявая, плохо подстриженная шевелюра сияла медово-золотым цветом, вся кожа — даже на веках — была усеяна охряными веснушками. Лицо состояло из сплошных углов, а дополняли картину узенькие очки в металлической оправе.

Акерманн был старше Лорана — ему уже исполнилось пятьдесят, но физическая конституция словно за-

щищала его от воздействия времени. Морщины ничуть не портили орлиный профиль, черты лица оставались точеными и загадочными. И только оспинки на щеках напоминали, что доктор — человек из плоти и крови и что у него тоже есть прошлое.

Врач молча прошелся по своему тесному кабинету. Время для Анны тянулось невыносимо медленно, секунды казались вечностью. Наконец она не выдержала:

— Да что со мной такое, черт возьми?

Невропатолог погрел в кармане каким-то металлическим предметом, скорее всего ключами, но выглядело это так, словно колокольчик председательствующего дал слово очередному оратору, и Акерманн заговорил:

— Позволь, я сначала объясню тебе суть теста, который мы только что с тобой провели.

— Самое время.

— Машина, которую мы использовали, — это позитронная камера. Специалисты называют ее «Petscan». Она действует как позитронный томограф и позволяет наблюдать за зонами активности мозга в режиме реального времени, выявляя тромбоз. Я хотел провести общий осмотр твоего мозга. Проверить, как функционируют хорошо знакомые нам зоны. Зрение. Речь. Память.

Анна вспомнила калейдоскоп из цветных квадратов, историю, рассказанную ей на разные лады, названия столиц... Она прекрасно понимала назначение каждого из тестов, но Акерманна понесло:

— Возьмем, к примеру, речь. Все происходит в лобной доле, на участке, разделенном на подсистемы, отвечающие за слух, за лексический состав речи, за синтаксис, за смысл, за просодию... — Он постучал пальцем по своему лбу. — Именно объединенная работа этих зон помогает нам понимать и использовать речь. Я разработал собственную систему тестов, и они позволили мне локализовать все эти системы в твоем мозге.

Акерманн так и не перестал мотаться туда-сюда по тесному кабинету, и Анна, поднимая глаза, видела только фрагменты настенных гравюр. Внезапно ее вни-

мание привлек странный рисунок: ярко раскрашенная обезьяна с большим ртом и гигантскими руками.

От ламп дневного света исходил жар, но страх ударил Анну в позвоночник ледяным кулаком.

— Ну и?.. — выдохнула она.

Акерманн развел руками, успокаивая ее:

— И все нормально! Речь. Зрение. Память. Каждая сфера включается, как ей положено.

— За исключением того момента, когда мне показали портрет Лорана.

Акерманн наклонился к столу, повернул к Анне экран своего компьютера, и она увидела разбитое на участки изображение собственного мозга. Вид сбоку был люминесцентно-зеленого цвета, внутренняя часть зияла абсолютной чернотой.

— Твой мозг отреагировал на фотографию Лорана полным отсутствием реакции. Никакого сцепления. Прямая линия.

— Что это значит?

Невропатолог снова встал, сунул руки в карманы халата, приняв театральную позу: настал великий миг вынесения приговора.

— Думаю, в работе твоего мозга имеются нарушения.

— Нарушения?

— Затронута зона «узнавания лиц».

Анна была потрясена:

— А что, разве существует зона... лиц?

— Да. За эту функцию отвечает нейронный узел, расположенный в правом полушарии, за височной долей. Он был открыт в пятидесятых годах. Люди, у которых пострадал этот участок, перестают узнавать лица. За последние годы, благодаря появлению позитронного томографа, мы локализовали его со стопроцентной точностью. Теперь нам доподлинно известно, что у «физиономистов» — охранников в казино и ночных клубах — он развит особенно сильно.

— Да, но я-то ведь узнаю большинство лиц, — запротестовала было Анна. — Во время теста я опознала всех...

— Всех — кроме мужа. Согласись, это серьезная проблема.

Соединив указательные пальцы, Акерманн прижал их к губам. Этот жест в его исполнении означал глубокую задумчивость. Оттаивая, этот человек становился напыщенным.

— Мы наделены двумя типами памяти. Существуют знания, которые мы приобретаем в школе. Другим вещам мы учимся в течение всей нашей жизни — личной, частной. В мозге человека они идут разными путями. Я полагаю, что у тебя нарушена связь между мгновенным опознаванием лиц и процессом их сравнения с личными воспоминаниями. Что-то мешает работе этого механизма. Ты способна узнать Эйнштейна, но не Лорана, который относится к сфере твоего «персонального архива».

— Но... это лечится?

— Безусловно. Мы просто переместим эту функцию в здоровую зону твоего мозга. Таково одно из преимуществ этого органа человеческого организма: он пластичен, вернее, гибок. Тебе понадобится «переобучение» — своего рода умственная тренировка, регулярные занятия плюс медикаментозная терапия.

Серьезность тона опровергала хорошие новости.

— Так в чем же проблема? — спросила Анна.

— В объяснении первопричины нарушения. Признаться — я в затруднении. Нет ни следа опухоли, ни неврологических нарушений. Ты не перенесла ни механической травмы, ни инсульта, что могло бы перекрыть доступ крови к этой зоне мозга. — Акерманн поцокал языком. — Необходимо сделать новые анализы, более сложные, и попытаться уточнить диагноз.

— Какие анализы?

Врач сел за стол, бесстрастно взглянул на Анну:

— Биопсию. Необходимо взять микроскопическую пробу мозговой ткани.

Анне понадобилось несколько секунд, чтобы осознать сказанное, потом ужас жаром кинулся в лицо. Она повернулась к Лорану и увидела, что муж согласно кивает. Страх уступил место гневу: все ясно, они сговорились! Ее участь наверняка решилась еще утром.

Слова сорвались с дрожащих губ:

— Об этом не может быть и речи.

Впервые за все время врач улыбнулся. Он, видимо, желал успокоить Анну, но не преуспел — ему не хватало искренности.

— Ты не должна к этому так относиться! Мы возьмем пробу зондом, который...

— Никто не прикаснется к моему мозгу.

Анна встала, закуталась в шарф, напоминавший крылья ворона, окаймленные золотом. В разговор вступил Лоран:

— Не стоит нервничать, Анна. Эрик заверил меня, что...

— Ты на его стороне?

— Мы все на твоей стороне! — торжественно произнес Акерманн.

Она чуть отступила назад, чтобы яснее видеть двоих лицемеров.

— Я никому не позволю ковыряться у меня в мозге, — повторила она окрепшим голосом. — Я уж лучше совсем потеряю память или сдохну от своей болезни. Ноги моей здесь больше не будет. — И она закричала, охваченная внезапной паникой: — Никогда, слышите?!

Э

Она выбежала в пустой коридор, скатилась по лестницам и замерла у выхода. Холодный ветер разгонял кровь по венам. Солнце заливало двор. Анна вдруг подумала, что это напоминает ей ясный летний день, но без жары и зелени деревьев, словно его заморозили для

лучшей сохранности. Их шофер Николя заметил Анну и вышел из машины, чтобы открыть ей дверцу. Анна отрицательно покачала головой. Дрожащей рукой достала из сумки сигареты, закурила, наслаждаясь терпким вкусом дыма.

Институт имени Анри Беккереля размещался в нескольких пятиэтажных корпусах, расположенных по периметру вокруг внутреннего дворика, засаженного деревьями и тщательно подстриженными кустами. На тусклых — серых и розовых — фасадах висели грозные предупреждения: ВХОД ТОЛЬКО ПО ПРОПУСКАМ; ТОЛЬКО ДЛЯ МЕДПЕРСОНАЛА; ВНИМАНИЕ: ОПАСНОСТЬ! Все в этой треклятой больнице казалось Анне враждебным.

Она сделала еще несколько глубоких затяжек, и вкус дыма успокоил ее, словно вместе с табаком в этом крошечном костерке сгорела ее ярость. Анна прикрыла глаза, погружаясь в дурманящий аромат.

Шаги за спиной.

Лоран прошел мимо, не глядя на нее, пересек двор, открыл заднюю дверцу машины. Он ждал ее с перекосившимся лицом, нетерпеливо покачиваясь с носка на каблук идеально начищенных мокасин. Анна щелчком отбросила окурок «Мальборо» и присоединилась к мужу. Она скользнула на кожаное сиденье, Лоран обогнул машину, все так же не говоря ни слова, сел рядом, и шофер, плавно тронувшись с места, как космический челнок, повел машину вниз со стоянки.

Перед красно-белым шлагбаумом на входе стояли вооруженные солдаты.

— Я должен забрать паспорт, — напомнил Лоран.

Анна посмотрела на свои руки: они все еще дрожали. Она достала из сумки пудреницу и взглянула в овальное зеркало. Она была почти готова увидеть отметины на коже, потому что ее внутреннее, душевное смятение силой и жестокостью напоминало удар кулаком в лицо. Но нет — кожа оставалась гладкой, была белее снега, чер-

ные волосы подстрижены коротко, à la Клеопатра. Анна медленно, с ленивой кошачьей грацией, опустила завесу тяжелых век над темно-синими, удлинненными к вискам глазами.

Лоран возвращался к машине, сгибаясь под порывами ветра. Воротник его черного пальто был поднят. Внезапно Анна ощутила горячую волну желания. Она взгляделась: светлые вьющиеся волосы, яркие глаза, морщинка страдания на лбу... Лоран нервно одернул пальто — он был сейчас похож на боязливо-застенчивого мальчугана, что никак не вязалось с высоким положением всемогущего чиновника. Вот так же внутренняя, глубинная неуверенность Лорана в себе внезапно проявлялась в бытовых мелочах, когда он, заказывая коктейль, принимался, суетливо размахивая руками, объяснять, что именно и сколько следует налить в его стакан, или зажимал ладони между колен и поднимал плечи, показывая, что он замерз или испытывает дискомфорт. Именно эта хрупкость и очаровала Анну — срывы и слабости Лорана так сильно контрастировали с реальной властью, которой он обладал. Но что еще она в нем любила? Что именно она может вспомнить?

Лоран наконец устроился на сиденье рядом с ней. Шлагбаум медленно поехал вверх. Лоран дружески махнул рукой вооруженным охранникам, вызвав мгновенное раздражение Анны. Желание близости с мужем растаяло. Она спросила жестко, почти грубо:

— Зачем здесь все эти легавые?

— Военные, — поправил ее Лоран. — Эти люди — военные.

Они влились в общий поток машин. Площадь Генерала Леклерка в Орсе была крошечной и тщательно ухоженной. Церковь, мэрия, цветочный магазин...

— Ты не ответил на мой вопрос, — настаивала Анна.

Лоран бросил небрежным тоном:

— Это из-за кислорода-пятнадцать.

— Из-за чего?

Он не смотрел в ее сторону, барабанил пальцами по стеклу:

— Кислород-пятнадцать. Маркер, контрастное вещество, которое тебе ввели для обследования. Это радиоактивное вещество.

— Замечательно.

Лоран наконец повернулся к ней: он явно пытался успокоить ее, но глаза выдавали раздражение.

— Это не опасно.

— Ну да, конечно, потому-то и нагнали всю эту солдатню!

— Не будь идиоткой. Во Франции любая операция, подразумевающая использование радиоактивного материала, проводится под контролем Комиссариата по атомной энергии. А где комиссариат — там военные, этим все сказано. Эрик просто обязан сотрудничать с армией.

Анна хмыкнула. Лоран напрягся:

— В чем дело?

— Да ни в чем. Просто... ты нашел ту самую — единственную — клинику в Иль-де-Франс, где людей в военной форме больше, чем врачей в белых халатах.

Пожав плечами, Лоран отвернулся к окну. Машина уже выехала на шоссе, ведущее вглубь Бьеврской долины. Мимо мелькали красно-коричневые стволы деревьев, бесконечной лентой змеились спуски и подъемы.

Небо снова нахмурилось, вдали, у линии горизонта, сквозь низкие дымы облаков едва пробивался белый свет. Казалось, солнце вот-вот одержит победу и зальет окрестности красным огнем.

Минут пятнадцать они ехали молча, потом Лоран снова обратился к ней:

— Ты должна довериться Эрику.

— Никто не будет ковыряться у меня в мозгах!

— Эрик знает, что делает. Он один из лучших невропатологов Европы...

— И твой друг детства. Ты мне тысячу раз это говорил.

— Наблюдаться у него — невероятная удача. Ты...
— Я не буду его подопытной крысой.
— Его крысой? — Лоран повторил, нарочито растягивая слова на слоги: — Е-го кры-сой?! Да о чем ты, черт возьми?

— Акерманн за мной наблюдает. Все очень просто — его интересует моя болезнь, не я сама. Этот тип исследователь, а не врач.

Лоран вздохнул:

— Ты бредишь. Нет, правда, ты...

— Чокнутая? — Ее горький смешок прозвучал как удар, словно где-то захлопнулась железная дверь. — Это уже не новость.

Ее мрачный юмор еще сильнее разъярил мужа.

— И что же? Будешь просто сидеть и ждать, сдавшись на милость болезни?

— Никто ведь не сказал, что болезнь будет прогрессировать.

Лоран поерзал на сиденье.

— Это правда. Прости. Несу сам не знаю что.

В салоне снова воцарилось молчание.

Пейзаж за окном все больше напоминал букет пламенеющих осенних листьев, усыпанных каплями росы. Красноватых, скукоженных, укутанных серым туманом. Лес за окном машины пытался дотянуться до горизонта, напоминая то окровавленные когти хищного зверя, то чеканную резьбу, то черные кружевные узоры...

Они ехали мимо деревень с простыми колокольнями церквей, потом в дрожащем утреннем свете возникла нетронутая-белая водонапорная башня. Трудно было поверить, что до Парижа остались считанные километры.

Лоран предпринял последнюю отчаянную попытку:

— Пообещай хотя бы сделать новые анализы. Забудем о биопсии. Это займет всего несколько дней.

— Посмотрим.

— Я буду с тобой. Мы с тобой, понимаешь?

Это его «мы» не понравилось Анне: Лоран по-прежнему связывал ее выздоровление с Акерманном, а ее воспринимал уже не как жену, но как пациентку.

Внезапно, на вершине Медонского холма, их глазам открылся залитый светом Париж во всем его великолепии. Бесконечные белые крыши домов блестели, как замерзшее озеро, ощетинившееся хрустальными выступами, морозными гранями, мохнатыми комками снега, а дома в районе Дефанс напоминали огромные айсберги. Город плыл навстречу солнцу, впитывая свет и жизненное тепло.

Лоран и Анна погрузились в потрясенное молчание: не сказав друг другу ни слова, они проехали Севрский мост и Булонь-Бийанкур.

На подъезде к воротам Сен-Клу Лоран спросил:

— Отвезти тебя домой?

— Нет. На работу.

— Ты обещала, что отдохнешь сегодня.

В его голосе прозвучал упрек.

— Я думала, что устану сильнее, — солгала Анна. — Не хочу бросать Клотильду на съедение. В субботу в магазине всегда нашествие.

— Клотильда, магазин... — передразнил он ее с сарказмом в голосе.

— Что ты хочешь сказать?

— Эта работа... она... Она тебя недостойна.

— То есть тебя!

Лоран ничего не ответил. Возможно, он даже не услышал этой ее последней фразы. Вытянув шею, он пытался разглядеть, что делается впереди: движение застопорилось на кольцевом бульваре.

Нетерпеливым тоном Лоран приказал водителю: «Вытаскивай нас отсюда!» Николя, правильно оценив ситуацию, достал из бардачка мигалку и мгновенно пристроил ее на крыше. «Пежо-607», зайдясь воплем сирены, выехал на осевую и рванулся вперед. Николя жал на педаль газа, а Лоран, вцепившись в спинку переднего

сиденья, упивался любым поворотом руля, каждым ловким маневром. Он напоминал сейчас ребенка, увлеченного видеоигрой. Анна всегда изумлялась тому факту, что Лоран, несмотря на все свои дипломы и высокий пост директора Центра исследований и научного анализа Министерства внутренних дел, не забыл кайфа «уличной» работы, не освободился от ее власти.

«Несчастный легавый», — подумала она.

У ворот Майо они направились в сторону авеню Терн, и Николя наконец-то выключил сирену. Анна въезжала в свой привычный мир. Улица Фобур-Сент-Оноре, сияющая огнем витрин, зал Плейель — в огромных окнах второго этажа двигались, тянулись вверх тонкие силуэты танцовщиц; своды потолка из красного дерева в магазинке «Братья Марьяж», где она всегда покупала любимые редкие сорта чая.

Прежде чем открыть дверцу машины, Анна решила закончить разговор, прерванный включением сирены:

— Ты ведь знаешь, это не просто работа. Для меня это способ общения с внешним миром, возможность не застрять навечно в нашей квартире.

Она вышла из машины, наклонилась к окну:

— Магазин или дурдом, альтернатива проста, понимаешь?

Они обменялись прощальным мимолетным взглядом, и привычная близость вернулась — за один взмах ресниц. Анна никогда не назвала бы их отношения любовью. Они были сообщниками, подельниками — по эту сторону желаний, страстей и колебаний, навязываемых человеку течением дней и настроений. Они понимали друг друга без слов...

Внезапно к ней вернулась надежда. Лоран ей поможет, он будет ее любить, она не лишится его поддержки. Тень станет солнечным янтарем. Лоран спросил:

— Заехать за тобой вечером?

Она кивнула, соглашаясь, послала ему воздушный поцелуй и направилась к Дому шоколада.

Дверной колокольчик звякнул, словно она была обычной покупательницей. Привычный, обыденный звук внезапно успокоил Анну. Месяц назад, увидев объявление в витрине, она пришла сюда наниматься на работу — просто так, из скуки, надеясь отвлечься от мучивших ее наваждений. Но все получилось даже лучше.

Она нашла здесь убежище.

Магический круг, отгоняющий ее страхи и тоску.

Два часа дня. В магазинчике пусто. Клотильда наверняка воспользовалась затишьем, чтобы отправиться на склад или в подсобку.

Анна прошла через зал. Лавочка, декорированная в коричневых и золотых тонах, напоминала коробку шоколадных конфет. Помещавшийся в центре главный прилавок походил на расположившийся в яме оркестр: классический черный и молочный шоколад, конфеты всех форм и размеров... Слева, у мраморного кассового прилавка, была выложена продукция экстра-класса — такое позволяешь себе в качестве маленького каприза, когда расплачиваешься за покупки, в последний момент. Справа — мармелад, карамель, нуга, а наверху, на полках, — прозрачные пакетики с леденцами и прочими прелестями.

Анна заметила, что Клотильда закончила оформлять пасхальную витрину. В плетеных корзиночках обретались яйца и курочки всех размеров, за шоколадными домиками с карамельными крышами наблюдали марципановые свинки, под бумажным небом раскачивались на качелях котята и цыплята.

— Ты здесь? Это просто блеск! Товар уже привезли.

Клотильда появилась из старинного ручного грузового лифта, позволявшего поднимать ящики в магазин прямо со стоянки у сквера Дю-Руль. Она спрыгнула с платформы, перешагнула через гору коробок и подошла к Анне, весело отдуваясь.